

И летчики и техники

Александр Шипицын

Ровно в семнадцать часов, как по расписанию, лоскутное одеяло серого слоя низкой облачности, вынесенной из залива Терпения, опустилось на землю и превратилось в густой туман.

- Ну, и где же твой обещанный "минимум"? - командир повернулся, к синоптику, собирающему свои карты и диаграммы. Полковой метеоролог Миша Коган, воспринимающий коварную вылазку тумана как личное оскорбление, покраснел и еще больше надулся.

- Командир, вы ведь знаете, - вмешался старший штурман - синоптик, как и сапер, ошибается только один раз, но+ зато каждый день.

Этот туман точнее московского экспресса. - добавил замполит, - И зачем только нам синоптик нужен? Слышали, как командир полка с чабаном насчет погоды советовался? Нет? Едет, это, командир полка мимо пастбища. Остановился. Подходит к нему чабан: "Ты, - говорит, - командир, полетов сегодня не назначай. Погоды не будет. Командир ему, - С чего ты это взял? Чабан отвечает, - У меня в отаре есть старый баран, с больными яйцами, как у него яйца распухнут - погоды точно не будет. А командир ему, - Слушай старик, отдай мне этого барана, я тебе за него двух синоптиков дам". Будет тебе, Миша, обижаться, - поспешил успокоить гневно засопевшего метеоролога, замполит, - Вон Вилков, инженер второй эскадрильи еще до обеда знал, что полетов не будет.

- Откуда информация?

- Его технари насчет закуски хлопотали, не иначе затевают что.

- Потапов, - командир полка повернулся к командиру второй эскадрильи, - проследи, что бы все без эксцессов прошло. В прошлый раз перепились и к официанткам ломились. Я-то не возражаю, завтра суббота, но потом до жен дойдет, до политотдела. Скажут в полку разврат, пьянство. В общем, пусть повнимательней будут. Так! - он, резко хлопнув ладонью по пластику стола, перешел на язык команд,

- Полетам отбой. Все привести в исходное состояние. Оперативный дежурный. Доложите о моем решении по своим каналам в штаб дивизии и в авиацию. Личному составу организовать показ кинофильма. Командирам и управлению полка в девятнадцать часов собраться в штабе. Дальнейшая работа по утвержденному плану. Все свободны!

Сдав самолеты под охрану, техники второй эскадрильи, "по трое, по двое, по одному и более мелкими группами", - как сказал один крупный военный деятель, - потянулись в комнату инженера эскадрильи, расположенную в технарском бараке, где они решили пообщаться на этот раз. Повод, пророчески выдвинутый инженером еще до обеда, прозвучал невнятно и неубедительно. Если и был какой-то повод такого представительного собрания, о нем как-то позабыли еще до первого тоста.

Фанерный, колченогий стол, деликатно, по-хозяйски укрытый газетами, был завален всевозможными яствами и заставлен напитками. Яства, наглядно представляющие сугубо военный ассортимент, в основе своей были позаимствованы из запасов летно-технической столовой. Жирная, крупная, размером со среднюю щуку, тихоокеанская сельдь, нарезанная на внушительные куски, была скорее укомплектована, чем украшена, луком,

порубленным то ли штык-ножом, то ли топором на такие же, по размеру, куски. Открытые, тем же инструментом, три банки пайковой, говяжьей тушенки, корейская, огненная от красного перца, чамча и засоленный папоротник, в гармоничном триединстве занимали центр стола. Огромный, величиной с офицерскую фуражку, камчатский королевский краб и миска, величиной с таз для белья, надоевшей всем, красной икры создавали традиционно-экзотический антураж. Меню завершалось, совершенно неуместными в данном окружении, плитками шоколада и пачками галет летного происхождения.

Винный погреб был представлен однообразным набором полулитровых бутылок прозрачного и зеленоватого стекла и фляг цвета хаки. И те, и другие содержали технический спирт, разведенный до различных степеней крепости, от сорока градусов вплоть до его естественной чистоты. Кто-то из особо утонченных гурманов принес с собой тот же спирт, но подкрашенный брусничным сиропом. Список алкогольных напитков завершался бутылкой водки, принесенной явно лицом не технического состава. На общем суровом фоне она выглядела так же невинно, как выпускница института благородных девиц на пиратской пирушке.

Безалкогольные напитки, обычно спросом не пользующиеся, состояли из единственного исключения, разведенного водой сока клоповки, ягоды, эндемически произрастающей только на Сахалине, Камчатке и Курильских островах. Имеющий весьма специфический запах, сок любили за его лечебные свойства. Знающие люди говорили, что стакан водки и стакан сока клоповки, принятые одновременно, то есть, один за другим, вне зависимости от очередности, останавливают сердце, для отдыха, на пол часа и нормализуют любое, даже самое критическое, вне зависимости от величины, артериальное давление.

Помещение, предназначенное для предстоящего банкета, не являясь царскими чертогами, особого описания не требовало. Обычная комната, в обычном деревянном армейском бараке, площадью около двадцати квадратных метров. Она вряд ли смогла бы претендовать даже на удовлетворение вкуса самого невзыскательного дизайнера, специалиста по интерьерам колхозных конюшен. Четыре двухъярусные солдатские койки, четыре тумбочки на восемь человек, десяток табуретов и скрипящий стул, для председателя, утащенный из матросского клуба, и, уже описанный ранее, колченогий фанерный стол, завершали строгую спартанскую обстановку. Для полноты картины следует упомянуть сорока ватную лампочку, свисающую с дощатого потолка на прихотливо изгибающемся шнуре и стыдливо освещающую только центр комнаты, оставляя периферию фантазии случайного наблюдателя. Окно, от нескромного взгляда этого наблюдателя было завешано картой Японии, изданной Генеральным Штабом в 1941 году, где южная половина Сахалина была еще выкрашена в желтый, японский цвет. Карту же, то ли выпросили, то ли попросту украли с топографического склада штурманской службы. Столовое серебро, как и фамильный хрусталь, отсутствовали. Три алюминиевые вилки, ложка того же металла и граненые стаканы, позаимствованные все в той же летно-технической столовой, заменяли их и, по мнению организаторов застолья, были во вполне достаточном количестве. Недостаток приборов смущения не вызывал. Трех вилок вполне хватало, что бы поочередно положить на ломоть хлеба тушенку или подцепить кусок селедки. Ложкой пользовались редко, и то только тогда когда дело касалось икры.

Разговоры за столом, практически сразу, если не считать первых минут неловкой тишины, нарушаемой только звуками, какие может производить опытный виночерпий, приобрели профессиональную направленность. Вспоминались ошибки и просчеты присутствующих, а также глупость и несправедливость руководства, особенно из числа летного состава. Витька Гайдуков - электронщик - известный в технической среде интеллигент, несколько раз пытался направить разговор в иное, более интеллектуальное, русло. На его неоднократный призыв: "Мужики, давайте о бабах поговорим", изголодавшиеся по свободному общению собравшиеся, обращали внимания не более чем на глас вопиющего в пустыне. Все эти штуцера, шайбы, заглушки, дюриты, регламенты и формуляры были темой близкой и привычной; они упоминались до тех пор, пока не настало время проявлять себя и в других сферах общения.

А вот так бьется сердце алкоголика, - вдруг громко заявил Вовка Худяков, голосом уже плохо гармонирующим с предстоящим паранормальным представлением. Он взял пустую водочную бутылку, выпитую в самом начале банкета еще до спирта, накрыл ее горло донышком свинченной пробки, зачем-то, на секунду, перевернул бутылку дном вверх, а затем опять установил ее вертикально. Он обхватил бутылку обеими ладонями и впился помутневшими, от уже имевших место возлияний, глазами в ее стеклянисто-прозрачную поверхность. Процесс телекинеза начался.

Майор Вилков Сергей Михайлович, инженер второй эскадрильи, демократично позволяющий, всем без исключения, называть себя просто Михалычем, председательствовал за столом. Он снисходительно повернулся в сторону новоявленного телепата. На виске, напрягшегося Вовки, вздулась и забила синяя жилка. К удивлению наблюдавших за невиданным экспериментом, через короткий промежуток времени, пробка легонько, но заметно подпрыгнула. А затем, с частотой сердечного ритма, продолжала свои подскоки. Председательствующий заинтересованно и благосклонно смотрел на прыгающую крышечку. Остальные участники застолья, прекратив на время шумные препирательства, тоже углубились в созерцание загадочного явления. Вовка - техник приборист, всего второй сезон, проводящий на Сахалине, и еще не успевший приобрести сколь ни будь заметного положения, был на вершине блаженства. Еще бы, он завладел вниманием столь изысканного общества и заслужил одобрение такого великого человека как Михалыч!

Э! Так это воздух расширяется и толкает крышку, - развеял чары, некстати влезший и, вообще, непонятно как здесь оказавшийся штурман Леха Григорьев, - Ну, конечно воздух. Ты пробку остатками водки смочил и бутылку загерметизировал, за-ме-гер+. Блин! - он набрал воздуха в легкие для разгона, - за-герметизировал, - наконец выговорил догадливый навигатор мудреное слово, - а воздух, он от рук греется, расширяется и пробку толкает.

> - Вона как! - разочаровался председатель интеллектуального застолья, - а я уж подумал, вот она телепатия или там телекинез, что ли, а тут просто воздух. Но все равно, занятно. В отпуске куму покажу. Он такие штуки любит. Но про воздух не скажу, пока бутылку не выкатит.

> - Ну, хорошо. - Володя не очень расстроился, так как сегодня решил поразить всех своими скрытыми талантами, - а спорим, я из совершенно пустой бутылки еще сорок капель налью!

> - Это и я могу, - махнул рукой Михалыч, обернувшись к штурману, и, как свежему компании человеку, пояснил, - берешь спичку, остро ее затачиваешь и

.... Для чего следует спичку точить, пояснить он не успел, так как на внезапно подпрыгнувшем столе, повалились бутылки, а сидевший через два человека от инженера стартех "двадцатки", Бандурин Петька полетел на пол, звонко ударившись затылком о раму кровати.

> - ...Все же признай, что Никсон больше подходит на роль президента Соединенных Штатов. - убирая кулак, зависший над столом и, садясь на свое место, попытался подвести итог какому-то политическому спору, обычно спокойный стартех Волоха. Впрочем, и сейчас не было заметно в его облике или поведении, признаков какого либо волнения. Сбитый со своего табурета Петька поднялся, почесал, свежую шишку на затылке и потрогал ушибленную челюсть. Уже садясь на свое место, он сильным ударом в скулу послал политически и физически развитого Волоху в нокдаун.

> - Я полагаю, - при этом продолжил он ранее начатую дискуссию, - что и Форд тоже неплох на этом посту.

Поднявшийся с пола, сбитый с табурета, но все еще не убежденный, Волоха выдвинул новый аргумент, очевидно как-то связанный с уотергейтским делом, в виде удара левой по зубам оппонента. Не понявший сути иносказаний, Петр, все же, удержался в вертикальном положении. Он сумел возразить противнику парой звонких оплеух. И тот прислушался, если не к самому возражению, то, по крайней мере, к звону в собственных ушах. Дискуссия продолжалась, удары наносились прицельно, и не спеша. В ходе политической, справедливо назовем, баталии, спорщики успевали наливать, выпивать и, даже, закусывать, не забывая пожелать здоровья противной стороне. Они чокались гранеными стаканами и не приводили новых резонов до тех пор, пока не убеждались, что их политический противник успел выпить и основательно закусить. После этого спор возобновлялся и, нельзя сказать, что безрезультатно. Зрительный орган у одного из них заплыл и, по цвету, стал похож на пятно, которое отличает сенбернаров от других пород собак. Другая сторона, шмыгала расквашенным носом и, разминая сбитый кулак правой руки, готовила последний убийственный довод.

Продолжающаяся уже более десяти минут комплексная, интеллектуально – боевая дискуссия, которая заставила бы перевернуться в гробу, от зависти, древних греков, мечтавших о гармоничном развитии человека, изрядно наскучила присутствующим. Они обратили свои просвещенные, хотя и несколько затуманенные, взоры в Володину сторону, который продолжал поражать изысканное воображение присутствующих и сумевший вновь завладеть вниманием общества. Теперь он демонстрировал какой-то авиационно-казачий обряд. Хорошая стопка чистого спирта была установлена на лезвии, заменившего шашку, штык-ножа. Обряд, учитывая авиационную специфику, был несколько усложнен. Спирт, подоженный в стопке, бесшумно полыхал слабо различимым, голубоватым пламенем. Но и это было еще не все. Спирт не следовало поглощать весь без остатка. Той его частью, что оставалась во рту, испытуемый должен был громко и продолжительное время полоскать зубы и горло, и лишь потом ее проглотить. Такое упражнение под силу личностям неординарным, почти йогам, имеющим очень крепкие желудки. Тем не менее, юный, на взгляд присутствующих, Володя с детства прошедший славную сибирскую школу, данное испытание с честью выдержал.

Из всей компании, только, приглашенный Иваном Ступарем, штурман Леха Григорьев, игнорируя достойные цирковой арены, трюки неистощимого

Володи, удивленно наблюдал за необычной дискуссией, позволяющей одновременно проявить и политическую зрелость, и мастерство кулачного бойца.

> - Чего это они? - спросил он у, равнодушно поглядывающего на политическое побоище, Ивана. Иван Ступарь, называемый друзьями "Стопарь", тщательно высасывая крабью клешню, пояснил:

> - Они ведь сибиряки. Ты обратил внимание, что восемьдесят процентов нашей техноты, выпускники Иркутского училища. А сибиряку выпить и не податься, все равно, что за чаем без пряников остаться. Настоящий сибиряк, - продолжал Иван, - первым никогда кулаками махать не начинает, а только если кто выпросит. Ну, разве что, если никто долго не выпрашивает... Ведь не век же ждать!?! Будучи сам выпускником училища со столь славными боевыми традициями, Иван иногда поглядывал на политбойцов с профессиональным интересом, соответствующими возгласами отмечая достоинства и недостатки приведенных доводов. Остальные участники пиршества почтительно внимали рассказу своего шефа, которому звуки ударов и политическая трескотня вокруг них, по-видимому нисколько не мешали. Леха Григорьев, штурман, вспомнил, как полгода назад, летчики и штурманы, получив вознаграждение за первый и второй класс, устроили традиционный сабантуй на всех уровнях дивизии. На самом нижнем уровне, как правило, собирались поотрядно. На такие торжества приглашались выдающиеся лица техсостава, полковой врач, синоптики, начальник химической службы и начальник физического воспитания, то есть те, кто сам такового вознаграждения не получал, но своим беззаветным, а зачастую и самоотверженным трудом способствовали его получению летным составом. В тот раз приглашенным оказался Иван, который в знак признательности и привел сегодня Леху к технарям. К тому же они испытывали друг к другу нечто похожее на симпатию.

А тогда, выпив и закусив вместе с летчиками, Иван, некоторое время слушал, как они хвалят и прославляют летные и, просто человеческие, качества друг друга. Он не знал, что в летной среде, касаться каких-либо недостатков, даже на партийном собрании считалось дурным тоном и, было чревато, скверными последствиями. Естественно, командиры и начальники имели право и были обязаны вскрывать и указывать на недостатки, но делать это в тесном кругу внеслужебного общения означало нажать себе врага на всю оставшуюся жизнь. Не то, что у технарей. Эти, собираясь, поливали друг друга, как только могли, делали жуткие заявления и всенародно обвиняли своих товарищей во всех грехах, вплоть до воровства. Но уже через час, выпив в гараже стопку-другую, обнявшись, дружно шли домой, или в другой гараж, если в первом делать было уже нечего.

Заскучавший Иван, толкнув Леху локтем в бок, тихонько поинтересовался:

> - А что, так никто никому в морду и не заедет?

> - Что ты! С какой стати? - удивился Леха, - здесь все уважаемые люди. Чего драться? - не понял тогда он.

> - Скучота! - заявил Иван, - Ты, лучше к нам приходи, посмотришь.

Каждое лето, вот уже четыре года подряд, и каждый раз не менее чем на шесть месяцев их полк перебрасывали на этот полевой аэродром на Сахалине. Местное население к ним привыкло и, не слишком разбираясь в родах войск, называло их "моряки из Андреевки". Туманы с регулярностью морских отливов и приливов затрудняли летную работу, и свободного времени у "андреевских

моряков", было больше чем достаточно. Замполит полка, в первый год, из кожи лез вон, чтобы проведение досуга офицерами не переходило за рамки приличия, которые им, особенно сибирской части, были тесны. Как-то весь полк охватила картежная лихорадка. Играли в "очко" и "покер". Чаше в "храп", игру, как известно, авиационную. Это даже послужило как-то причиной маленького недоразумения. Командир полка, рафинированный академическим образованием интеллигент, спросил у начальника штаба, прожженного авиационного барбоса:

> - Чем летчики занимаются?

> - Да, "храпят"

> - Ну и хорошо, пусть поспят, лишь бы в карты не играли.

Теперь, когда они находились на полевом аэродроме третий месяц, Ступарь вспомнил о своем обещании и позвал своего летающего друга на технарскую пьянку. Тот, принеся с собой бутылку водки, оказавшуюся единственной, и сэкономленный шоколад, слабо гармонирующий с общим стилем стола, своевременно появился в назначенном месте. > Он продолжал свои наблюдения за уже теряющим свою актуальность политическим поединком, когда Иван, в какой уже раз, подтолкнул Леху локтем:

> - Слушай, Михалыч хвалится, как он начальника штаба эскадрильи дурит. Надрался как гад. Он всегда как напьется, любит рассказывать, как он нас, технарей, от нарядов отмазывает. И, правда, инженер эскадрильи хитро и пьяно поблескивая малюсенькими глазками самодовольно говорил:

> - Да, эце-ма, ... он возмущается..., - Михалыч издал звук средний между икотой и отрыжкой, содрогнувшись как автомат, у которого патрон перекошило, - давай, говорит, техников в наряд, чего одни летчики по субботам и в патруль, и по части, и по столовой, и ... эце-ма, оперативными дежурными... и..., ну везде....А я ему, эце-ма..., говорю, "Ты, что!", - говорю..., на "двадцатке" - колеса менять. На "двадцать третьей", - перечислял он бортовые номера самолетов эскадрильи, - регламенты. На "двадцать восьмой", слышь, говорю, - замена двигателя. Ну..., и так далее. Нас, говорю, командир и так порет, что самолетов хватать не летает... тьфу, черт! Летать не хватает, во! Ну, эце-ма, он туда-сюда, а я, нет, говорю, нету людей. Так и не даю никого, - он с отеческой любовью взирал на пьяненьких чад своих, - и не дам! Пусть, ха-ха, летунчики по нарядам ходят. Тут его мутные глазки остановились на Лехе. До него стало доходить, что здесь есть кто-то и с другой стороны баррикад:

> - Ты что тут делаешь? - в глазах инженера загорелся профессиональный бойцовский интерес. Леха, с ужасом, вспомнил, что Михалыч тоже в свое время окончил Иркутское училище. Но тут давно ждущий своей доли удовольствия, и желающий проявить свою удаль, Ступарь встал между сбитым с толку штурманом и своим драчливым шефом:

> - Ты чего, баран, буром прешь? - любезно обратился он к своему благодетелю, с размаху заехав начальнику в ухо. Тот если и заметил разницу между предполагаемым и реальным противником, внешне этого никак не проявил, и с удовольствием шарахнув Ивана в нос, принял правой стороной лица затрещину. Потеха продолжалась и, не желая портить гостеприимным хозяевам, так удачно состоявшийся вечер, Леха выскользнул за дверь.

На другой день, в субботу, на утреннем построении, наиболее пострадавшие участники вечерних событий стояли в задних шеренгах, дабы видом своим и запахом, от них исходящим, вопросов ненужных у командования эскадрильи не возбуждать. Тем более что сейчас должен был решаться

важнейший вопрос; кого отпустят на субботу и воскресенье домой на "случку" с семьями. По установленным командующим правилам, разрешалось отпускать не более 20% личного состава. Но количественно вопрос решался в зависимости от самолета выделенного полку для этих целей. Если выделяли Ан-12, то почти половина полка могла в выходные насладиться семейным уютом, если же выделялся Ан-26, вместимость которого была значительно меньше, домой попадали только несколько счастливых. Сегодня выделили Ан-26, и только 15 человек от эскадрильи могли воспользоваться случаем. Затем началась менее приятная процедура. Майор Рыжков, никогда не умевший сладить со строптивым и хитрым Михалычем, был отпущен на "случку". Все свои обязанности, включая распределение наряда, он возложил на плечи Генки Парапанова, которого оставил за себя.

Гена, сам из штурманов, был жутким прощельгой! Обмануть или перехитрить его было невозможно. Только удаленность гарнизона, в котором он служил, помешала международному сообществу жуликов избрать его своим президентом. В свое время, почувствовав бесперспективность продвижения по штурманской линии, он твердо решил двигаться к сияющим вершинам власти по линии штабной. Для начала он наизусть выучил тактико-технические характеристики истребителей и кораблей вероятного противника, которым на ту пору случилось быть американской военщине. Время от времени с контролем подготовки летчиков к выполнению предстоящих задач, появлялись дивизионные бонзы. Ждать Геннадию пришлось не долго.

Вскоре, на контроль готовности экипажей к разведке кораблей в море, пожаловал новый начальник штаба дивизии подполковник Елбыздыков. Выбрав себе для контроля экипаж, он разрешил остальным заниматься по собственному плану.

> - Это судьба! - решил будущий штабист и, вручив молодому летчику, якобы для контроля, учебник тактики, начал, во все горло, декламировать характеристики, тогда еще нового, американского палубного истребителя F-14 "Томкет". Начальник штаба, тоже человек голосистый и, даже носящий за это, а также за принадлежность к странной, никем никогда неслыханной, кавказской национальности -езды, кличку "Горный осел", подивился громким отчетливым звукам, издаваемым ретивым лейтенантом. Затем, различив отдельные слова и сопоставив с теми, что хранились в его собственной памяти, с удивлением обнаружил, что это не что иное, как характеристики американского истребителя.

- Ва! - подумал он, - и голос хороший, и знает что-то. Не мешает его по штабной линии двигать. Надо, иногда, и молодежи перспективу давать, - он что-то записал в своем блокноте и одобрительно посмотрел на Генку. С тех пор, при любой возможности, начальник штаба эскадрильи, под предлогом предоставления будущему штабисту практики и для приобретения им навыков в деле руководства личным составом, оставлял Парапанова за себя. При этом он давал массу руководящих указаний неизменно заканчивающихся фразой: "Ну, а если что – смотри сам!".

Главной и самой тягостной задачей, из круга решаемых начальником штаба эскадрильи вопросов, было назначение офицеров в суточный наряд. Особенно это было тяжело сделать на выходные дни. Если с матросами проблем не возникало, то с офицерами, с которыми быть может завтра придется вместе летать, это было сложнее. Каждый планировал, что-то на выходные, кто рыбалку, кто очередное злоупотребление спиртными напитками, а кто поход за

женской лаской в соседний городок. И летчики и техники старались спихнуть ненавистную обязанность друг на друга. Особенно тяжело было вырвать людей у инженера эскадрильи. Все поползновения начальника штаба на техсостав, зорко оберегаемый им, он с легкостью отбивал с помощью распоряжения изданного главным инженером авиации флота. Если какой ни будь, технарь и попадал на выходные дни в наряд, это могло значить только одно - он в опале у Михалыча, и надо было срочно гасить пожар, как минимум, бутылкой спирта или переходить в другую эскадрилью. Таких подчиненных Михалыч неумоимо выедал.

Парапанов все это прекрасно понимал, когда взялся за безнадежное дело. С широкой улыбкой он подошел к непробиваемому инженеру.

> - Михалыч, - дружелюбно начал он, - дай пять человек в наряд на субботу и воскресенье, а то на прошлой неделе опять одни летчики ходили.

> - Да, ты что! - начал инженер знакомую песню, - где я тебе их возьму? Смотри, на "двадцатке" будем шасси менять, на "двадцать третьей" - двигатель. Вот, еще на "тридцать первой" по плану регламентные работы. Все выходные работать будем. А иначе на чем во вторник летать будете, на палке верхом!? На! Читай распоряжение главного инженера авиации флота, здесь четко написано: сколько человек техсостава должно быть задействовано в каждом виде работ. А где я тебе столько людей наберу? А ты еще в наряд кого-то хочешь+ - Михалыч выкинул главный свой козырь. Он знал, что даже если Генка, совершенно сойдет с ума и возьмется прочесть это недоступное для летного менталитета произведение инженерной мысли, вникнуть в его суть он сможет не раньше следующей недели. А если учесть возможность различного толкования отдельных параграфов, то тут он с инженером никогда не сладит.

> - Читай, читай, тут написано, сколько людей мне понадобится для выполнения задания командира. У меня и так еле-еле людей набирается. И ты тут еще со своими нарядами. Нет у меня людей. Нету! Понял! Никого я тебе не дам. Стоящие поодаль технари, тихонько хихикали в рукав. Они знали истинные потребности в техсоставе. Знали, что уже через час на стоянке только часовые останутся, а они либо на рыбалке водку, либо возле бани пиво попивать будут, либо иным каким образом попирают положения Морального Кодекса строителя коммунизма, а также нормы коммунистической морали и нравственности.

> - Ну, на нет и суда нет, - подозрительно быстро согласился временный, или, скорее, будущий начальник штаба. Он куда-то убежал по своим штабным делам, но через пол часа вернулся и, радостно размахивая записной книжкой, поспешил к технарям, мирно курящим под руководством своего шефа.

> - Михалыч, Михалыч, - задыхаясь от быстрой ходьбы, еще на ходу кричал радостный Гена, - Ан-12 дают. Командир полка разрешил нам еще 10 человек домой на "случку" отпустить. Если тебе кто на стоянке не очень нужен, давай список, пусть люди дома отдохнут. Всегда радеющий за други своя, инженер заторопился.

> - Так, давай пиши. Лейтенант Худяков, капитан Ступарь, старший прапорщик Малюнин, старший лейтенант+ э+, Ваня, кто у нас на "двадцатке" колеса менять будет? Кто, Петя Горбенко? Пиши, Горбенко. Так кто еще?... В две минуты список, еще час назад так остро необходимых на стоянке, для выполнения срочных работ, людей, был составлен и Генка убежал с ним в штаб к оперативному дежурному.

А еще через двадцать минут он сочувственно говорил Михалычу:

> - Ты же знаешь нашу авиацию - семь пятниц на неделе, то одно, то другое. В общем, отменили Ан-12 и опять дали Ан-26. Не полетят твои люди домой отдыхать. Знаешь, я что подумал? Раз они тебе на стоянке не нужны, я их всех в наряд поставил. Пока до одураченного инженера доходило, как его красиво обвели вокруг пальца, Генка уже успел утвердить у начальника штаба полка список дежурной службы на субботу и воскресенье. Огорченный Михалыч, в окружении сильно поредевшего технического эскорта, отправился совершать антиобщественные поступки. По свежим следам, появившимся к понедельнику, на его суровом лице, было видно, что его авторитет сильно пошатнулся. Висевший почти три дня над аэродромом серый туман, под лучами поднимающегося солнца, засеребрился и поредел. Стал местами отрываться от пряно пахнувшей багульником земли, а к обеду и вовсе исчез. Михалычевы технари сновисто и быстро готовили самолеты к полетам. Что-то им подсказывало - сегодня придется поработать.